

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин

Повесть.

I

Пули долетали уже до Камероновой галереи. Мелкие ссадины вспыхивали на мраморе колонн, звенели перила. Шагин поднял бинокль. С галереи была видна даль аллеи, усыпанных листьями. На вечернем солнце розовели статуи. Белели пустые скамейки. По золотой закатной воде плыли доски. Павильон на острове был разрушен миной. Пестрые листья носились в воздухе, мешая разглядеть глубину парка, откуда стреляли автоматчики. Парк стоял во всей красе. Охра переходила в кармин, потом шли купы празднично пылающих оранжевых деревьев, темная зелень кустов... Листва пока держалась. Она еще будет менять краски, но Шагин этого не увидит. Город был обречен. И парк, и дворец – все было обречено, Батальон Шагина оставался последним. Они снимутся ночью, если удастся удержаться до темноты.

Следы гусениц взрыли главную аллею. По ней ночью ушли танки. Тогда батальон еще сражался под Александровкой. Шагин упрашивал капитана задержаться. Пока эти три прибудных КВ стояли за спиной батальона, было спокойнее. Капитан мотал головой и повторял одно: снаряды! Они расстреляли весь боекомплект. У Шагина не было снарядов. У Шагина ничего не было – ни снарядов, ни пушек, было три пулемета, несколько минометов и винтовки. Танки не подчинялись ему. Они искали свою бригаду. Шагин кричал капитану про пулеметы, потому что танки имели пулеметы. Шагин кричал, потому что его недавно контузило, он оглох и хотел слышать свой голос. Капитан тоже кричал, потом вскочил на крыло, и танки попятнулись, роняя ветки, наваленные на башни. Шагин встал перед гусеницами командирской машины. Капитан спрыгнул, легко приподнял Шагина и швырнул в кусты. Танки ушли. Шагин не хотел вставать. Он лежал на красных кленовых листьях и не знал, что делать. Он командовал батальоном вторые сутки. Его никогда не учили отступать. Было бы хорошо, если б его ранило. Контузия отдала грохот войны, он не слышал воя, свиста, только разрывы, приглушенно, как бы издали. Его ординарец Иголкин присел над ним, вытер ему платком нос, лицо, поставил на ноги. С этой минуты Шагин снова стал делать то, что положено, но делал оглушенно и бесчувственно. Когда рядом с ним убило комроты один женю Либмана, его друга по училищу, Шагин перевернул труп, вынул из кармана документы и прислонил труп к стенке окопа вместе с другими убитыми. Они стояли, вздрагивая от пуль и осколков. Это придумал Либман еще в Самокражах, теперь он сам стоял с разорванной грудью, наклонив непокрытую голову.

Шагин со взводом пулеметчиков прикрывал отход остатков батальона ко дворцу, затем они отползали, пока не очутились в парке. Он не слышал того, что говорили вокруг, не слышал скрипа песка под ногами, он пребывал внутри плотно закрытой оболочки, которую называли лейтенантом Шагиным, что-то она приказывала, делала без его участия. Сейчас этот лейтенант разглядывал в бинокль неправдоподобно безлюдный парк. Привычно разделял на секторы обстрелов, готовил дворец к обороне. Связистам и связным он казался знающим свое дело комбатом.

Он действительно знал, что произойдет. С рассветом по этим аллеям войдут немцы, сперва разведчики, потом саперы, пехота, потом подъедут машины с генералами, станут фотографироваться... Знание это ничего ему не давало, он ничего не мог изменить, ничему помешать.

Бронзовый бюст Цезаря зазвенел, пробитый пулей. В осеннем воздухе потянуло гарью. Черные клубы дыма поднялись над деревьями. Горел Китайский театр. С виду парк оставался нетронутым, но он был уже неизлечимо поражен. В окулярах блеснула доска с надписью. Шагин скорее угадал, чем прочел:

Воспоминаньями смущенный,

Исполнен сладкою тоской,

Сады прекрасные, под сумрак ваш...

Дальше он не различал слов, но вспоминал детской памятью эту надпись, лето в Пушкине, и сердце его сжалось.

На лице ничего не отразилось, он следил за своим лицом, как следил за выправкой, за тем, как лейтенант Шагин спустился вниз и стал отдавать приказания. В нижних

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
комнатах лежали раненые, валялись банки, бинты, гильзы, котелки, пахло карболкой, мочой, все было загажено, трещало битое стекло. Шагин говорил с помпохозом, тот что-то возражал, но вдруг, взглянув на Шагина, на его пустые, как у мраморных статуй, глаза, запнулся, побежал к машине, стал сбрасывать с нее вещи. Может быть, Шагин ему что-то сказал, он не знал, он стоял и смотрел, как помпохоз и другие укладывают в машину раненых. Кто-то подошел, и Шагин этому кому-то объяснял, водил по карте пальцем, подписал бумагу, другую не подписал, сунул в планшетку. Дворцовый атласный диван стоял у каменной стены. Шагину все время хотелось сесть на него, вытянуть ноги, но он знал, что стоит это сделать - и он заснет.

Кто-то положил ему руку на плечо. Это был адъютант комбата Степа Аркадьев.

- Ты бы побрился, - крикнул ему Степан и поскреб подбородок. - А то как партизан. Апостол Петр!

В мраморном вестибюле связисты сворачивали провода. Аркадьев подвел Шагина к зеркалу. Вернее, то было не зеркало, а зеркальная дверь в частом переплете.

- Ты не волнуйся, Петя, - крикнул Аркадьев. - Пройдет глухота. Через недельку.

Шагин без интереса разглядывал длинное бледное лицо, заросшее черной щетиной. Лицо было почти незнакомое. Он знал его хуже, чем лица солдат своего батальона. Реже видел. А глаза были и вовсе чужие. Тусклые, застылые, как у того, что раньше звалось женой Либманом, а сейчас стояло в оставленном окопе.

Иголкин принес бритву, помазок, стакан холодной воды, и Шагин стал бриться.

- Через недельку, - удивленно повторил он.

Месяц, неделька - таких сроков для него не существовало. В зеркале, рядом с ним, появилась голова в милицейской фуражке.

- Говорите громче, - сказал Шагин, - я плохо слышу.

- Хулюганют, - крикнул ему на ухо милиционер. - В парке. Опять вчера задержал двух ваших.

Шагин видел, как он в зеркале отвечает милиционеру с напряженной улыбкой глухого.

- Вчера нас тут не было.

- Извиняюсь, - сказал милиционер. - Я в смысле артиллеристов. Двух пьяных задержали. А нынче опять стреляют. Шагин повернулся к нему. Перед ним стоял молоденький милиционер. Его белоснежная милицейская гимнастерка была подогнана по фигуре, фуражка лихо сдвинута набок, значки ГТО и Ворошиловского стрелка блестели, как ордена...

- Там автоматчики. Немцы, - сказал Шагин.

- Не надо, товарищ лейтенант, - строго возразил милиционер. - Меня послал начальник милиции города, - он неодобрительно оглядел недобритую, в мыльной пене физиономию Шагина, и тот по-мальчишески оробел.

- Ополченцы? - спросил милиционер. И не дожидаясь ответа, сказал: Раз вы не можете обеспечить, мы сами...

Иголкин что-то ему говорил, потом они заспорили, Иголкин показывал рукой на парк, в сторону немцев. Шагин торопливо добрился. Милиционер вынул из верхнего кармашка свисток, засвистел. Иголкин взял у него свисток и тоже приложил к губам. Веснушчатая его пухлая физиономия расплылась от восторга. Он протянул свисток Шагину.

Внутри черного костяного свистка болталась горошина. Вот в чем дело, подумал Шагин. Он хотел свистнуть, но в это время вбежал политрук с перевязанной головой, потянул его за рукав. Шагин на ходу приказал Аркадьеву не пускать милиционеров в парк.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Двое солдат стояли без винтовок под охраной старшины. У ног их лежали большие мешки. Солдаты были из взвода, которым когда-то командовал Шагин.

- Митюков, покажи, - сказал Шагин и ткнул ногою мешок.

Митюков присел, попробовал развязать мешок. Пальцы у него не гнулись, он рванул веревку зубами. Из мешка посыпались банки шпрот. Плоские блестящие банки медленно катились по каменным плитам.

- Дезертиры, - крикнул политрук.

Рано или поздно это должно было начаться. До самых Шушар, фактически до самого Ленинграда, было пусто. Шоссе и все проселки запружены беженцами. Солдаты из разбитых частей шли мимо, в кюветах валялись опрокинутые кухни. Поток спешил к городу, огибал остатки батальона. Штаб полка и штаб дивизии находились где-то в Шушарах. Связь с ними то и дело прерывалась. Смысл обороны, которую занимал батальон, терялся, страх окружения вступил в свои права.

Шагин вытащил наган. Он сделал это машинально, скорее всего, потому, что должен был так сделать. Слезы катились по грязным щекам Митюкова. Он сидел на корточках не в силах подняться. Второй солдат, Чиколев, смотрел на Шагина усмешливо и что-то говорил.

-что? Не слышу, - сказал Шагин.

- Я говорю, товарищ лейтенант, что вы сами скоро побежите. - И Шагину показалось, что Чиколев ему подмигнул. Он всегда был с тараканами, этот Чиколев, ушастый, подслеповатый, кажется, на гражданке переплетчик.

- Встать! - скомандовал Шагин, но Митюков затрясся и остался на корточках. Шагин пнул его ногой, Митюков опрокинулся на пол, вскочил и бросился бежать. Шагин, не целясь, выстрелил. Знал, что не попал. Знал, что сейчас Митюкова схватят, приведут, и он должен будет застрелить его, а значит - и Чиколева. Но тут же Шагин подумал, что если не получит приказа из штаба, то прикажет отходить на Пулково. Главное - удержать Пулково, предупреждал штаб. Построит колонной и уйдет. За это его самого могут под трибунал. Когда он явится к комдиву... Вдруг все головы повернулись к темнеющему небу. Там на фоне роскошно алой зари густо плыли немецкие бомбардировщики. До Шагина еле слышно докатился их рокот, мерный, успокаивающий.

Привели Митюкова. Он дрожал. Шагину было жаль его больше, чем Чиколева, который продолжал стоять, усмехаясь. Митюков что-то быстро-быстро говорил, и политрук говорил - это была пантомима, от их слов ничего не зависело, так же как от жалости Шагина.

Они, кажется, тоже понимали это и недоумевали, они видели не своего малорослого застенчивого лейтенанта, а каменно-угрюмого неумолимого исполнителя высшей воли. Во вдавленных глазах его было темно. Он застегнул воротник и радиоголосом, не требующим ответа, сказал:

- Как же так, Митюков... Что же ты наделал, Митюков. Ты же хорошо воевал...

Наверху истошно завывало, все бросились на землю, один Шагин остался стоять с поднятым наганом. Тяжелая мина разорвалась между деревьев. Посыпалась листва. Политрук остался лежать. Шагин взял его под мышки. Чиколев и Митюков взяли за ноги и понесли в вестибюль. Там какая-то растрепанная девица в синем халате теребила Аркадьева, дергала его за портупею, он указал на Шагина, девица метнулась к нему.

- Умоляю вас, пойдете, товарищ командир!

Она тащила его за собою с такой отчаянностью, что он пошел. У дверей в зал стоял, перегородив вход, старичок. Младший лейтенант Осадчий оттаскивал его за отвороты чесучового белого пиджачка, толпились бойцы, это были саперы. Они матерились. Девица бросилась к Осадчему, оттолкнула его. Встала рядом со старичком, прижалась к высокому красному дерева дверям. Шагин спросил, в чем дело. Его никто не слушал или не слышал. Он поднял руку, увидел в ней наган

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru выстрелил в потолок. Осадчий доложил, что старик не пускает бойцов. Надо через залы подтаскивать мины.

- Бережет. Немцев ждет! Целеньким хочет фашисту сдать. Холуй гитлеровский? Вы слышали, что они говорят?

- Что? - спросил Шагин. Бойцы расступились. Шагин подошел к двери. Осадчий толкнул старичка:

- Давай-давай, повтори.

- И повторю! - закричал старичок. Глаза его горели решимостью. - Не пуцу!

Он прижался всем телом к дверям, еще шире раскинул руки.

- Не дам! Взорвать дворец! Это не военный объект! Не имеете права.

- Нет, нет, ты повтори, для кого бережешь! - угрожающе сказал Осадчий.

- Да немцы культурные люди, они, я надеюсь, не позволят себе...

- Слышал? Фашисты культурные! Они книги жгли. На немцев надеется, сучий потрох!

Осадчий что-то скомандовал, саперы оторвали старика от дверей, высадили их с треском, и перед ними распахнулся зал, освещенный сиянием догорающего заката. Гладь узорчатого, зеркально поблескивающего паркета, хрустально радужные люстры, канделябры. Выложенные бронзой следующие двери открывали анфиладу залов. Зрелище этих покоев показалось Шагину волшебным призрачным. До сих пор дворец был для него укрытием от мин, от обстрела; за массивным цоколем галереи, выложенным пудожским камнем, помещались штаб и раненые.

Осторожно Шагин двинулся по вошеной поверхности паркета. Из детства всплыл жаркий день, когда отец привел его в эти просторы парадного золота, и они, надев войлочные туфли, ходили с экскурсией. Ноги скользили как по льду.

Грязные следы солдатских сапог отпечатались, налепили мокрые листья, вдоль тянулись глубокие царапины.

- Ваши красноармейцы тащили здесь ящики, - старик показал на борозды. Его скрипучий голос Шагин хорошо слышал. - Что же вы делаете!

На потолке синели нездешние небосводы, по ним летели купидоны. Кое-где стояли вазы. В шкафах сквозь стекло виднелись парчовые платья. Многие были убраны вывезено. Торчали крюки от картин. Опустели стены. Ничто уже не отвлекало от обнаженной красоты залов, расшитых шелковых обоев, от лепнины, рельефного рисунка орнаментов. Золотистые узоры китайских обоев, зеркала... Сюда еще не проникла вонь пожара. Отсветы его сквозь лиловатую оконную расстекловку выглядели, как безобидный праздничный костер.

Шагин плыл, словно во сне, сквозь двухсветный Большой зал, желтые рысьи огни просверкали в Янтарной комнате. Пустынный дворец втягивал его в заколдованное великолепие. За ним молча двигались саперы Осадчего. Мимо них пробежали, разматывая провод, двое солдат.

- Артиллеристы, - сказал Осадчий в ухо Шагину.

- Вы подвергаете дворец опасности, - сказала девушка. Под синим халатом на ней были белая кофточка и черная юбка.

- Может, не стоит, - сказал Шагин Осадчему. - Заминируем только подходы.

- А как же сталинский приказ? - спросил Осадчий.

- То приказ насчет складов и заводов.

- И-эх, - выдохнул Осадчий, - сволочи! - и еще матом, матом... Лицо его задержалось. Сорвал с плеча автомат, пустил очередь по стенам, разлетелась ваза, затем по зеркалам, по их затейливым рамам, так, что они взвизгнули мелкими

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru брызгами, провел свинцовым полукружьем по наборному узору паркета, щепка полетела в обе стороны.

Никто его не останавливал.

Девушка бросилась к Осадному. Шагин перехватил ее, потому что Осадный дрожал, взгляд его был безумен.

- Кончай, - крикнул Шагин.

Старик-смотритель опустил голову, отвернулся.

- Завтра здесь будут немцы, - сказал Шагин. - Уходите. Пусть все уходит.

Еще он зачем-то сказал:

- Почему вы столько оставили. Почему не увезли...

Старик оглядел его почти брезгливо, на Шагина никто еще так не смотрел.

- Потому, что вы воевать не умеете, - отчетливо произнес старик.

Шагин не успел ответить, побежал вниз, его вызывали по телефону из дивизии. Успели сказать, чтобы отходил на Пулковку, как он и предполагал, и связь оборвалась.

Внизу было темно. У входа на мраморной ступени лежал молоденький милиционер. Из горла у него толчками шла кровь. Над ним хлопотал фельдшер. Рядом на земле лежал убитый милиционер. Лицо его было накрыто фуражкой. Откуда-то появился Аркадьев.

- Не послушались, - сказал он. - Дурни.

- Кончается, - сказал фельдшер.

Умиравший вытянулся как по команде, лицо разгладилось, он удивленно смотрел в небо. Гимнастерка его была чиста, аккуратно заправлена.

Смерть эта надолго запомнилась Шагину. Может быть потому, что уж очень глупо они погибли. Куда зачислит их статистика? В героически павших или еще куда в неведомую ему графу.

Выходили из Пушкина на рассвете. Стрельба утихла. Колонна шла по влажным пустым улицам, шли не растягиваясь, плотно, быстро. Шагин держался в хвосте.

Глухота проходила. Он слышал, как набирали голоса птицы. Город спал. Окна, задернутые занавесками, заклеенные бумажными крестами. Чистый, влажный от росы воздух, закрытые магазины. Топилась баня. На крыльцо вышла баба в рукавицах и фартуке. За ней подросток, Они молча смотрели на уходящих солдат.

- Мы что, последние? - спросил Иголкин.

- Последние, - сказал Шагин.

- Надо бы город разбудить, товарищ лейтенант.

- Панику наводить, - не думая ответил Шагин. Потом спросил: - А как его будить? Это тебе не деревня.

У переезда висела свежая афиша: "Сегодня премьера фильма "Антон Иванович сердится"".

Дошли до Пулковки. Светлое небо загудело, показались штурмовики. Шагин приказал рассыпаться, укрыться. Но укрыться было негде. Штурмовики на бреющем расстреливали в упор. Шагин стоял, прильнув к глухой стене трансформаторной будки, смотрел, как убивают его людей. Убило Иголкина, убило Митюкова...

Потом всю зиму сорок первого-сорок второго Шагин держал оборону в районе Шушар. Он получил уже старшего лейтенанта, командовал отдельным батальоном укрепрайона.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Участок был большой, бойцов мало. От голода солдаты пили воду, пухли. Некоторые пили специально, чтобы попасть в госпиталь. Морозы стояли лютые. Обмораживались. В землянках, несмотря на запрет, круглые сутки топили печки. Дым демаскировал, с этим не считались.

Ходы сообщения заносило снегом, и без того мелкие, они, как ни гнишь, не защищали. Передвигались вечером, благо темнело рано.

В тот вечер Аркадьев доложил, что у немцев в районе Пушкина прямо перед второй ротой вспыхивают цветные огни. Шагин отправился туда, ползком пробрался в боевое охранение. Вместе с Аркадьевым они долго рассматривали и в стереотрубу, и в бинокль пестрые, звездные вспышки, ни на что не похожие. В морозной дали, между обломками деревьев загорелся свет. Осветились окна какого-то здания. Судя по направлению, это мог быть только дворец. Он находился прямо в створе роты. Другие постройки были разбиты.

- Что это они? - спросил Шагин.

Никто не понимал, что там происходит. Осветительные ракеты не поднимались. Во тьме горели прямоугольники окон. Солдаты ждали, что скажет начальство. Может, готовят наступление.

Шагин оторвался от бинокля.

- Нет, это на иллюминацию похоже. Что они - спятили?

- Да ведь Рождество Христово! - произнес какой-то знакомый голос.

Шагин удивился не тому, что не догадался, а тому, что немцы помнили и справляли этот праздник.

- Ишь ты, пируют, - сказал он. - Не боятся.

- А чего бояться, - раздался в темноте тот же голос.

Шагин всмотрелся, это был Чиколев, недавно назначенный взводным.

- Думаете, они не знают, что нам запрещено стрелять по дворцу, сказал ротный. - Прекрасно знают.

Теперь Шагин без бинокля словно увидел освещенные этажи и сквозь окна Большой двухсветный зал, простор паркета, казалось, видел и украшенную елку, такую же большую и нарядную, как во Дворце пионеров, а вокруг нее немецких офицеров в мундирах, в начищенных сапогах.

- У вас есть что выпить? - спросил Шагин.

Они спустились в землянку взводного. Чиколев налил по стакану водки.

- Рождество, - сказал Аркадьев - Что оно означает?

- Ну ты хорош, - отозвался Шагин. - Христос родился!

Они чокнулись. Шагин закусил холодной картошкой, обмакнув ее в соль.

Больше ничего у Чиколева не было.

- С фрицами заодно отмечаем, - сказал Аркадьев. - Только без жареного гуся. Я же говорил Осадчему, взорвать дворец надо было к такой-то матери.

- Комфортно воют, - сказал Шагин.

- Помните кофе? - спросил Чиколев.

На прошлой неделе, когда после боя они заняли немецкие ячейки боевого охранения, так досаждавшие им, Чиколев нашел там термос с горячим кофе. Шагин не мог забыть вкуса этой горячей сладкой смеси кофе и молока. И аромата.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
- Соедини меня с Васюковым, - приказал Шагин.

Водка согрела его, поднялась в голову, и он заговорил с начальником артиллерии напористо, не слушая возражений, тем медленным хриплым голосом, который перекрывал любой шум.

- Беру на себя. Накроем их. Самый момент. Сукины дети, пируют. Смеются над нами. Уверены, что не посмеют... Вали на мою голову. И не жалею для такого случая. Сейчас он споем им "В лесу родилась елочка".

Приняли еще чуточку и вышли в окоп.

Снаряды проносились над ними, со свистом раздирая морозный воздух, и вколачивали там, в Пушкине, свои разрывы.

Солдаты кричали, прыгали на скрипучем снегу.

- Давай! Еще! Так их!

Это тоже был праздник.

Огни в Пушкине погасли. Вместо цветных звездочек взметнулись осветительные ракеты.

- Что, попались! - кричал Шагин в темноту. - Думаете, слабо нам? - и матерился при всех, чего раньше не позволял себе. Стал закуривать, не мог поймать огонек зажигалки, руки его дрожали.

II

Внучка заставила Шагина вместо орденских планок нацепить на пиджак натурально все железки. Шагин ворчал, в этом отяжелевшем пиджаке он стал похож на породистую собаку, например эрделя. Квадратная морда, пегие от седины клочья волос.

Был День Победы, день этот Шагин разлюбил. Праздник давно испортился, приносил каждый год огорчения, недостатку друзей, почти никого из однополчан уже не осталось, во всяком случае в Питере. Не с кем было посидеть, выпить, помянуть. Здравствовал разве что Кирпичев из штаба армии. В войну встречались раз-другой, Шагина он тогда раздражал - самоуверенностью, разбитной повадкой штабников. Вышел он в отставку тоже полковником, хотя и не стрелял, но и не работал "по линии бензоколонок". Сегодня он приехал за Шагиным на своем "Опеле", и они отправились в Дом Дружбы на встречу с немецкими ветеранами - участниками войны.

Выступал Шагин после сладкого приветствия дежурницы из Общества дружбы. Подходя к кафедре, Шагин видел, как немцы разглядывали его пиджак, увешанный цветным металлом. Совсем как школьники, они тоже на его выступлениях разглядывали не его, а планки или ордена. Боевых наград у него было немного, всего три, меньше, чем у Кирпичева. Однажды на школьном празднике он услышал, как ребята обиженно говорили учительнице: почему к нам не пригласили Героя Советского Союза.

Выступая, Шагин всегда рассказывал одно и то же: как отстояли Ленинград, сорвали планы гитлеровцев, как прорвали блокаду и стали гнать фашистов. Это была та часть войны, которую вспоминать приятно. С годами текст затвердел, менялись только ребячьи вопросы.

Присутствие немцев заставило его говорить "гитлеровцы" вместо "немцы", хотя для него это ничего не меняло. Пока переводчица переводила, он старался вспомнить что-либо лестное для них, например то, что летали они бомбить город аккуратно в одни и те же часы, очевидно, после завтрака. Или что трофейный немецкий пистолет, "Вальтер", который достался Шагину в сорок втором, действовал отлично и провел с ним всю войну. Но все это выглядело двусмысленно, не годилось, ничего подходящего не нашлось, вместо этого он подумал: забавно бы получилось, если б они надели свои боевые награды...

Привычно рассказывал о том, как гитлеровцы варварски разрушили Петергоф, Пушкин, Гатчину, вывезли янтарную комнату и прочие сокровища. Фразы эти показались ему

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
грубыми, он пытался смягчить их, но не успевал.

После него выступил немец, господин Эберт. Говорил по-русски. Четыре года он провел в плену, в лагере в Подольске и убедился в доброте и душевности русского народа. Незнакомые люди дарили ему теплую одежду, подкармливали, он никогда не забудет бабушку, которая накормила его пирожками с морковкой...

Немцу шумно аплодировали, потом все отправились в ресторан.

- Слышал, как немцу хлопали? - спросил Кирпичев. - Больше, чем тебе. Богато живут, богатых все любят, им все прощают.

Посадили их за один столик с господином Эбертом. За обедом Кирпичев расспрашивал, какую пенсию Эберт получает, какие у него льготы. Шагин молчал. Оживился, когда узнал, что Эберт воевал в его родных местах, под Старой Руссой. Немец называл деревни, станции, Шагин вспоминал полузабытые места, милые названия - Ромашино, Лычково, Кневицы, Ловать... Оба они забыли, как звать рыбацкую деревню на берегу Ильменя. Первым вспомнил Шагин, обрадовался:

- Взвяд!

После войны Шагин однажды побывал в Старой Руссе. Нашел там сплошные развалины. Дом родных сожжен, улица вся разрушена. Ориентировался он по реке да по бульжной мостовой. Курорт не узнать, парк вырублен, источники загажены. Повсюду предупреждения: "Осторожно мины!" Палатки. Землянки. И вокруг вонища, тошнотный запах гнили долго преследовал Шагина, возникал при каждом воспоминании о тех местах.

А господин Эберт, оказывается, побывал там в прошлом году вместе с однопольчанами. Их пригласили. В городе следов уже не осталось от военных лет. Чудесный городок.

Зачем их пригласили? Кто? Как могли там принимать немцев? Шагин примеривался, как бы деликатнее расспросить Эберта, но мешал Кирпичев, потом после обеда стали прощаться.

Господин Эберт задержал руку Шагина.

- Вы не против еще встретиться? Я приглашаю завтра к нам в отель пообедать.

Шагин обрадовался:

- Давайте, давайте. Только я вас приглашаю. Вы у нас гость. Ко мне домой приезжайте.

- Домой - это хорошо, - сказал Эберт. - Домой интересно.

Кирпичев вмешался, предложил завтра заехать, привезти господина Эберта, чтобы тот не связывался с такси.

На обратном пути Кирпичев похвалил Шагина за то, что утер нос, пригласил его к себе, а то они любят показывать себя хозяевами жизни, приехали к нам, таким бедным, что нас готовы кормить.

- Да он без умысла, - сказал Шагин. - Я вот постеснялся, а он пригласил. Свободные они люди.

- Потому что богатей, - упорствовал Кирпичев.

Жил Шагин в семье дочери. Так считалось. На самом же деле, когда жена ушла, дочь с мужем и внучкой переехали в его квартиру, свою же стали сдавать.

Из родни Шагин больше всех любил внучку.

Она приготовила обед, накрыла на стол, сама же умчалась.

Гости приехали точно в три. Господин Эберт принес букет гвоздик, Кирпичев торжественно поставил на стол бутылку коньяка. Пошли в комнату Шагина.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Господин Эберт вежливо похвалил скромное убранство – узкую кушетку, письменный стол, шкаф, полосатый домотканый половик во всю длину комнаты, с интересом рассматривал книги, все больше о Второй мировой войне. Самое лучшее в комнате был вид из окна на канал, где в зеленоватой воде повторялось весеннее небо, гранитная набережная со старыми липами. Внимание Эберта привлекла застекленная фотография на стене с дарственной надписью Конева. На ней в два ряда красовались маршалы страны, посередине сидел Сталин. Шагин называл каждого. Никого в живых уже не было. Фамилии их Эберту были известны.

– Да-а, – протянул Эберт, и Шагин вдруг увидел, как все они стояли чугунно, безулыбчиво, затянутые поясами, увешанные звездами. Ничто не смягчало лица победителей. Это были памятники.

Рядом с фотографией висела карта Европы. На ней господин Эберт показал место своего городка, недалеко от Гамбурга.

За столом Эберт рассказывал про лагерное свое житье в Моршанске и Подольске, про русскую семью, которая его жалела. По-прежнему Шагина занимало – зачем они поехали в Старую Руссу? Да просто хотели посмотреть места боев, посетить могилы товарищей. Написали городским властям, те вскоре прислали приглашение, собрались, кто хотел, и поехали. У Эберта получалось все как нельзя просто. До России он воевал в Польше, туда тоже ездил с однополчанами. Их там неплохо принимали, но в Старой Руссе куда сердечнее.

– Русский народ зла не хранит. Забывает, – пояснил Кирпичев. Возьмите, к примеру, сталинское время. Теперь его по-доброму вспоминают, простили. Хорошо ли это – вот в чем вопрос.

Шагин хотел послушать про родной город. Оказалось, курорт работает, город отстроился, собор восстановили. Он расспрашивал Эберта, будто встретил земляка, вздыхал. Эберт спросил, почему бы Шагину не поехать туда. Шагин усмехнулся:

– Меня никто туда не приглашал. – Добавил, спохватясь: – Если б я там воевал, то конечно...

Посреди обеда появился зять, дочь послала его за фруктами. Зять представился Эберту как "афган". Шагин пояснил, что он воевал в Афганистане, сейчас работает в страховом обществе. Зять добавил, что хоть и молод, но тоже ветеран, имеет все права участника войны, тем более, что получил боевые ордена. Водки налил себе полный фужер, выпил зараз, Кирпичев только головой покачал.

– Что же вы, папаша, шампанским не угощаете, – зять достал из холодильника бутылку, ловко скрутил проволоку, расшатал пробку. – У нас принято: чем богаты, тем и рады.

– Я знаю, – сказал Эберт. – Что в печи, то на стол мечи.

От его старательного произношения все рассмеялись.

Он рассказывал, как их повезли на Ильмень, варили там уху из больших золотистых рыб, названия он забыл; как песни пели, подарили книги про новгородские памятники.

Рассказывал, обращаясь прежде всего к Шагину, как бы нахваливая шагинских земляков и в то же время гордясь выпавшим ему почетом.

– За какие это заслуги, – пьяно сказал зять. – Наверное, подарки им привезли.

Шагин нахмурился, но Эберт опередил его, подтвердил обрадованно, привезли, как же, несколько ящиков медикаментов, лекарства всякие, пошлину платили, улыбка у него была широкая, распахнутая. Он ослабил галстук, снял пиджак, прочел стихотворение Симонова "жди меня".

– Может, и нас когда-нибудь афганцы в гости позовут, – сказал зять.

– Не надейся, – отозвался Шагин.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
- Слыхали? Не верит папаша в прогресс. Свою Великую Отечественную не позволяет сравнивать с нашей. У нас конфликтное противостояние.

- Кончай, - сказал Шагни, - не затрудняй человека. Мы сами как-нибудь разберемся.

- Наша война потому и называется Великой, - заговорил Кирпичев, - а ваша не украшение истории, ее скорее надо забыть.

Они схватились с зятем, который доказывал, что "афганы" - истинные солдаты, поскольку воевали исключительно во имя воинского долга, исполняя приказ, без всяких идейных компенсаций.

В рыжем ежике его круглой головы не было ни одного седого волоса, но Шагин знал, что сердце у него никудашное, что время от времени настигает его депрессия, целыми днями лежит лицом к стене, молчит.

- Вы дожили, - кричал зять Кирпичеву, - чокаетесь с немцами, а нам с душманами не придется! Мы не доживем.

Шагин отвлек Эберта, показал ему довоенные открытки Старой Руссы, у него была целая коллекция, были там и дореволюционные - с городской ярмаркой, муравьевским источником. Эберт восхищался, умилялся, маленькие щечки его порозовели так, что Шагин был доволен.

На прощание Эберт дал ему свою визитку, пригласил, если будет в Гамбурге, позвонить, заехать.

- Обязательно, - заверил Шагин. Ему понравился немец, хотелось еще поговорить с ним, жаль, что опять помешали.

Ночью он долго не мог заснуть, мучила изжога, размышлял обиженно, как у них просто, захотел - поехал в Польшу, захотел - в Старую Руссу, и не сомневается, что все другие также могут ехать, когда вздумается. Надо было его спросить, не упрекнул ли их кто в Руссе за прошлое, не может того быть, чтобы обошлось без задорины. Он и не заметил, как оказался на бронетранспортере, куда-то они ехали, рядом с ним Аркадьев и маршал Конев, голая голова маршала блестела на солнце, машина подпрыгивала на разбитой дороге, за Шагина цеплялся немецкий офицер, он тоже сидел рядом, в длинной сизой шинели, похожий на того пленного офицера, которого Шагину привели разведчики в Восточной Пруссии, и в то же время Шагин знал, что офицер этот был Эберт, откуда-то появился старичок косматый, давно не стриженный, его жесты и голос были чем-то неприятны, почему-то Аркадьев обнимал его и маршал похлопал по плечу. Их машина обгоняла пехоту в пятнистых комбинезонах с автоматами Калашникова и гранатометами. Старичку объясняли, где тут чеченцы, где русские, все шли в одном направлении, старичок горячился, не мог понять, как они воюют друг с другом, если форма у них одинаковая. Над ним смеялись, и тут Шагин сообразил, что этот косматый пегий старикашка, похожий на эрделя, - он сам. Никогда не видел себя он во сне, ему стало тоскливо оттого, что он такой старый, а они все молодые, крепкие. Сердце его больно сжалось, и он проснулся, проснулся во сне, продолжая всех видеть, но знал, что они умерли, и жив только немец и этот старичок.

К новому году Шагин получил нарядную поздравительную открытку от господина Эберта и в том же конверте приглашение приехать к нему в Германию, на две недели, все расходы Эберт брал на себя, просил не отказать ему в удовольствии иметь такого гостя.

Шагин думал, думал и согласился.

В аэропорту Гамбурга его встречал Эберт. Они обнялись, Эберт сиял, благодарил за приезд, и Шагин оттаял. Еще его обрадовало, что Эберт был в легкой куртке, вроде домашней, потому что в самую последнюю минуту внучка уговорила Шагина надеть старенькую кожаную куртку, уверяя, что нечего пузыриться в костюме, что куртка идет ему, сейчас модно так...

Маленький "фольксваген" Эберта двигался в потоке блестящих нарядных машин, Эберт показывал богатые виллы, особняки, кафе. Всюду блестела свежая зелень. Город был наряден, уверен в себе. Людей было мало, машины уступали друг другу дорогу,

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru водители благодарно поднимали руку. Шагин и раньше замечал это за границей, но сейчас, впервые приехав не в составе делегации, он все время ощущал приветливость, направленную словно к нему лично, и наслаждался этим непривычным теплом. Он понимал, что приветливость эта условна, скорее, ей подходит другое слово, с трудом он нашел его, потому что никогда им не пользовался и вокруг тоже не пользовались, – учтивость.

Квартира Эберта помещалась на первом этаже трехэтажного дома, стоявшего в ряду таких же невысоких домов. Три комнаты, холл, кухня, терраса, выходящая в садик. Почему-то Шагину было приятно, что Эберт живет не в особняке, что жилье его сравнительно скромно, что у него маленький "фольксваген", нет гаража. В квартире еще слышался запах лекарств покойной жены. Выше этажом жила семья ее племянницы и еще родственник, а в мансарде была гостевая комната, отведенная Шагину, с душем, холодильником, телевизором, он получил ключи и полную независимость.

Недавно овдовев, Эберт жил один, помогала ему по хозяйству дальняя родственница, приходила через день. Рано утром Эберт уезжал в какое-то благотворительное общество самаритян, потом навещал больных старушек, агрономическую школу, где раньше преподавал. Шагин оставался один в квартире. Садик принадлежал Эберту. Круглая зеленая лужайка обсажена яблонями, вишнями, все они цвели, гудели пчелами. В Питере еще дотаивал грязный снег, холодный ветер носился по аэродрому. Украшением садика было невысокое деревцо, длинные его ветви, усыпанные розовыми цветами, расходились веером, как струи фонтана. Это был миндаль. Шагин сидел на террасе в плетеном кресле, любовался ими. Солнце пригревало, и он спускался в сад укладывать дорожку из плит, над которой давно трудился Эберт. Каждая плитка была упакована, тщательно обернута. Когда-то Шагин работал в стройуправлении, он мог оценить и материал, и инструмент. Все было сделано добротнo, навеки. Одиночество радовало Шагина. Впервые в жизни он остался наедине с собой, никто его не ждал, никуда не надо было идти. То, что происходило рядом на улице, за стеной, не имело к нему никакого отношения.

Эберт вручил ему кипу фотоальбомов. С юности отец приохотил его к фотографии. Оставил в наследство коллекцию семейных альбомов, и Эберт продолжал ее. Там был и альбом, посвященный поездке в Старую Руссу. Цветные снимки застолий с местными ветеранами, начальниками, у дома Достоевского, на набережной Перерывицы, подклеены вырезки из газет. Немцев называли "ветеранами войны", затем "посланниками мира", а под конец, в больнице, к ним обращались "наши немецкие друзья".

На снимках все радовались. Город выглядел незнакомо, и среди горожан Шагин никого не узнавал.

Был военный альбом 1942–1943 годов. Там тоже Новгородчина и Старая Русса. На одном из снимков на груде дымящегося щебня стояли – нет, позировали трое молодых солдат. Позади проступали развалины Гостиного двора. Шагин сразу узнал галерею, по которой бегал мальчишкой. Солдаты смеялись. Светило солнышко. На соседней карточке тоже немецкие солдаты на фоне собора, еще целого, не разбитого. А вот и отдельная карточка, наверное, сам Эберт, у орудия, лента на шее и на ней железный крест. Еще одна фотография привлекла внимание Шагина – Эберт с какой-то русской девушкой в шерстяном платке. Были и другие его снимки с девицами. Но у той улыбка с ямочками на щеках показалась знакомой, хорошо знакомой, чем больше Шагин вглядывался, тем больше убеждался, что знал ее.

Вечером Шагин спросил Эберта, что за девушка с ним. Тот долго всматривался, не мог вспомнить. Знать-то он ее знал, познакомился с ней, она местная, но не помнит. А это действительно он, трое артиллеристов, он справа. Вот купается в озере. Плечистый, ростом повыше нынешнего, он походил сразу на всех фрицев, какие попадались Шагину пленными, убитыми. Снимков было много – женщина с коромыслом, двумя ведрами – русская диковинка. Бородатый мужик в ватнике. Увязшая в грязи телега... Эберт регулярно посылал снимки домой.

А это он снял колонну советских военнопленных. Мог ли подумать, что через год сам будет топтать военнопленным в такой же длинной колонне.

К тому молодому сержанту нынешний Эберт относился смущенно, как бы побаиваясь, ожидая подвоха. Тот Эберт был слишком самоуверен, явно любовался собой – победителем.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
С куда большей охотой показал другой альбом – довоенный, где были семейные снимки, большой крестьянский дом Эбертов в Тюрингии, в войну он сгорел. Дедушка в солдатской форме, дядя в длинной шинели, погиб в Первую мировую войну. Появился маленький Карл Эберт. Он – школьник, он с сестрами, он работает в конторе. Наконец, Карл, облаченный в новенький мундир, отправляется на войну в 1940 году.

Каждая карточка подписана, год за годом, поколение за поколением.

У Шагина фронтовых снимков не сохранилось. Ни блокадных, ни в наступлении, ни в Пруссии. Вроде никто их не снимал, не до этого было. И семейных тоже мало. Ни дедовских, ни других родных не осталось. Были, да не хранил, все вперед да вперед, и прошлое кануло бесследно. У Эберта и послевоенная жизнь подробно запечатлена. Агрошкола, Эберт с учениками, Эберт с ветеранами войны. На одном из них – Эберт показал: майор Кнебель, ныне глава какой-то фирмы, воевал в Северной группе войск в Пушкине, хотел встретиться с Шагиным.

- Пожалуйста, - сказал Шагин, - почему нет.

Дни стояли безветренные, теплые, длинные. Эберт рассказал, как последние годы жена его не вставала с постели, он ухаживал за ней, ему помогали самаритяне. Рассказывал без горечи, послано было испытание, а может, и наказание, надо было выдержать все это. Шагин, человек неверующий, не понимал подобных чувствований, завидовал просветленному состоянию Эберта. Уход за женой, по словам Эберта, вносил смысл в его существование. Сейчас он стал навещать одиноких больных. Миндаль посадила его жена, бедняжка не дождалась цветения, нынче он впервые зацвел без нее, и для Эберта в этом дереве живет душа покойной.

В ответ Шагин рассказал, как ушла от него жена: заявила – любит другого, что тут скажешь. С Шагиным жить было нелегко, он и пил, и гулял, домом не занимался. Это он теперь понимает, а тогда, когда она ушла, он явился к тому мужику, избил его, думал этим показать свое превосходство, унизить его, получилось наоборот, жена жалела того, считала себя виноватой, Шагина возненавидела. Он пуще запил, пошел в разнос...

Внимание, с каким Эберт слушал, тронуло Шагина. Давно никто не интересовался обстоятельствами его путаной жизни, не спрашивал, почему с ним такое происходило, были же причины. В армии его любили, с ним считались, уговаривали поступить в Академию Генштаба. Вместо этого он добился отставки. Осточертели армейские порядки.

На гражданке он быстро выдвинулся. Подсекло его "Ленинградское дело". Еле уцелел, ушел заведовать детским домом. Можно сказать – сбежал, укрылся. От друга своего, арестованного секретаря райкома, – отрекся, тем и спасся. Объяснять Эберту, что это за "Ленинградское дело", он не стал, да и сам не понимал. Вспомнил, как сжег фотографии, где снимался с районным начальством на конференциях, на охоте.

Про свою жизнь человек может рассказывать без конца. Прожитые годы выглядели бестолковыми, с каким-то удовольствием Шагин определил себя как неудачника, и его удивило, что Эберт увидел в нем типичную русскую душу, которая не довольствуется успехом, а ищет чего-то большего, ищет правды.

Поехали на кладбище. Эберт положил цветы на могилу жены. Кладбище было громадное, похожее на парк. По аллеям прогуливались матери с колясками. Захоронения перемежались лужайками и цветниками. Они прошли на воинское кладбище. Сперва немецких солдат. Шеренги одинаковых каменных крестов. На каждом – имя, фамилия, две даты. Без званий, без наград. Для вечности несущественно. Лежали больше все погибшие в 1944–1945 годах. Тысячи, целый полк выстроился здесь, Шагину вновь подумалось: "неплохо мы поработали". Мысль эта показалась ему чужой, чем-то неприятной. Он шел сквозь каменный строй, механически читая имена, задержался у креста с непонятной надписью. Эберт перевел:

"Имя его известно Богу"

Шагина поразила эта уверенность. А что если и в самом деле человек полностью не исчезает?

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Через дубовую рожицу Эберт провел его на кладбище русских воинов Первой мировой войны. Содержалось оно в чистоте, трава подстрижена, ни лопухов, ни лебеды, бордюр лиловых цветов. Шагин чуть не спросил – чего ради немцы сохраняют такую древность? Еле удержался. В России никакого кладбища погибших в Первую мировую не видал и не слышал про такое. Кладбища Великой Отечественной – и те запущены. Батальонное их кладбище за насыпью у дороги запахали, поставили безымянный обелиск. А тут с Первой мировой сохраняют. Нацисты в лагерях военнопленных убивали, сваливали во рвы, заравнивали бульдозером.

На краю кладбища возилось несколько девочек в передничках. Шагин подошел ближе. Они счищали, соскребали мох с ноздреватого серого камня надгробия. Эберт пояснил, что эти школьники заняты уходом за могилами. Существует такое движение в Германии или обычай – школьники ухаживают за военными захоронениями. Необязательно немецкими, за всеми – польскими, чешскими, английскими...

– А советскими? – спросил Шагин.

Было здесь и советское кладбище. Сразу за Мемориалом жертвам фашизма. Вместо крестов там лежали квадратные каменные плиты. Имена по-русски и по-немецки. Мелкие цветочки, белые, розовенькие, кудрявились на аккуратных посадках. Кладбище было особенно ухоженное. Умершие на работах, в госпиталях, еще бог весть где. Годы рождения разные, сходились даты смерти, те же – 1944–1945. Здесь лежало его поколение – Сергеи, Иваны, Михаилы. Были Хасаны, Григолы, Тимуры.

Шагин шел словно вдоль строя своих гвардейцев, только пахло не ваксой, не казармой, а скошенной травой, сочной, как на всех кладбищах. Вдруг его точно током ударило, надписью: Осадчий. Написано еще: Алексей. Как того звали – он не помнил, только вспомнил ночь, когда до утра ждал и не дождался тех четверых, что послал разминировать проходы. Осадчий, может, и Алексей. Второй проход разминирован не был, судьба той группы осталась неизвестной, как и многое, что остается неизвестным на войне. Возможно, и те трое лежат здесь. Осадчий – он умел смешить, подражая дурацким приказам штаба: "Приказываю отловить три десятка вшей, доставить в медсанбат для проверки нового дуста..." Между прочим, и он, Шагин, мог лежать здесь. Дважды он попадал в окружение, несмотря на запреты, ходил в разведку. Черными буквами было бы выведено: "Петр Шагин", и никто бы и ведать не ведал... Очнулся от того, что Эберт тронул его за рукав.

– Минуточку, – сказал Шагин, подошел к низкому кусту желто-лимонных роз, отломил ветку.

Две седые дамы остановились, неодобрительно стали выговаривать ему: Verboten1. Шагин побагровел:

– А сгноить наших пленных – не Verboten?

Эберт, виновато улыбаясь, принялся что-то им объяснять. Шагин положил ветку Осадчему. Облик того маленького кривоногого сапера восстановился появившись он сейчас, Шагин узнал бы его, а вот Осадчий вряд ли узнал бы своего комбата.

Американские солдаты лежали на пригорке под беломраморными крестами.

– Роскошно устроились, – сказал Шагин. – Но и за наших солдатиков спасибо, – усмехнулся, – лучше здесь быть покойником, чем в другом месте живым.

Эберт вопросительно смотрел на него, но ничего больше не дождался.

... В Эстонии, где он после боя похоронил тридцать своих бойцов, следа от кладбища не осталось, все камни снесли.

Нацисты в лагерях зверствовали, сжигали, валили убитых в ров, а тут хоронили по-людски, содержат в порядке, с Первой мировой сохраняют. Что за народ – не поймешь.

То и дело возникали темы, которые следовало осторожно обходить. Иногда вдруг в совершенно безобидном разговоре они попадали на гиблое место, от которого пятились, натянуто улыбаясь друг другу. Что могло быть невиннее воспоминаний о детстве. Базары в Руссе, где живая рыба плескалась в садках. Приезжали телеги, пахнувшие яблоками, торговали мешками, ведрами. Мелочь мягкую, краснощекую

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru раздавали ребятишкам. Базар шумел у Гостиного двора. По его аркадам к вечеру гуляли навстречу друг другу приезжие парни и девки. Чем дальше, тем сказочнее вспоминался Шагину этот городок в яблоневых, грушевых садах, звонких от частушек, песен, духового оркестра в курортном парке.

- Он сейчас тоже мне нравится, этот городок, - сказал Эберт.

- А тогда, когда вы били по нему, не нравился?

- Тогда там был населенный пункт, там засел противник.

Шагин против воли усмехнулся:

- Засел противник.

- Мне жалко, что я стрелял в ваше детство.

- Чего теперь жалеть.

- Фашизм нас околдовал, - сказал Эберт. - Это был всеобщий психоз.

- Бедные вы, несчастные.

- Да, мы тоже пострадали, - в голосе Эберта что-то изменилось.

Шагин чуть не поперхнулся.

- Ну знаешь! Как ты можешь сравнивать!

Он зачем-то стал выпаливать известные всем цифры, названия сожженных карателями деревень. Это было глупо. Ему самому было стыдно, когда в Берлине на митинге глава их делегации с печальной гордостью произнес цифры погибших двадцати с лишним миллионов солдат. Шагин потом сказал генералу: нашли чем размахивать - нашим неумением воевать.

- Ладно, - оборвал он и себя, и Эберта. - Тут мы никогда не договоримся.

Эберт почесал свой сизый носик.

- Не спеши.

В другой раз Эберт пожаловался, что в Руссе уничтожили кладбище их корпуса.

- Вы его устроили посреди курортного парка, - сказал Шагин. - Разве это место?

- Могли перезахоронить. Мы бы оплатили.

Шагин вспомнил о Кирпичеве, сказал терпеливо:

- После войны мы хотели всякую память об оккупантах уничтожить. Вы все изничтожили, загадили, и нечего вам торчать на нашей земле.

- У нас военные кладбища навечно охраняются.

- У вас, Карл, другой вид на них. Вам не за что ненавидеть русских.

Крепко сжав губы, Эберт смотрел на Шагина неприятно, в упор, как будто что-то знал о нем нехорошее.

Наступило молчание, оно становилось все тяжелее. Когда они с трудом выбрались из него, неловкость еще долго витала.

Настроение у Шагина испортилось. За ужином Эберт выставил бутылку вина какого-то особенного разлива, поставил еще русскую столичную, коньяк, виски - на выбор. Шагин принимал его ухаживания хмуро, вино показалось кислятиной. Он угрюмо жевал бутерброды. Здешний хлеб был безвкусный, все эти колбасы разных узоров приелись.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
- Слушай, Карл, зачем ты меня пригласил? - вдруг спросил он. - Только честно.

Эберт аккуратно вытер губы.

- У вас, русских, смешная привычка предупреждать: "давайте честно", "честно говоря", или еще: "будем откровенны", как будто все остальное вранье.

- Не финти. Отвечай по существу.

- Отвечаю. Мне понравилось, как ты говорил в Петербурге про войну. Ты не стеснялся нас. Я не люблю, когда русские начинают нам рассказывать, как они представляют разницу между немцами и фашистами.

- Ну и ладно, меня-то зачем пригласил?

- А ты зачем поехал?

Шагин невесело рассмеялся.

- Разобрались!

Эберт повел Шагина в свой кабинетик. За шкафом висел под стеклом портрет, сделанный акварелью. Девушка с пушистой рыжеватой косой через плечо. Она смотрела насмешливо, ожидающе, как бы не веря художнику. Написан портрет был неумело, слишком яркими красками, что удалось художнику - так это передать удовольствие от своей модели.

Эберт признался, что писал он, когда-то баловался, любил рисовать. Портрет - его бывшая невеста, Ингрид.

- Что значит - бывшая?

Эберт не ответил. Они вернулись на террасу. Поговорили о том, кто чем увлекался в молодости. Шагин сочинял стихи. Ужасные стихи, про бандитов. Эберт, кроме рисования, еще занимался фотографией.

Шагин все же не вытерпел:

- Что с ней случилось?

- Погибла в сорок пятом году.

- Как погибла?

Эберт ровным голосом рассказал. Деталей он не знает, потому что вернулся из плена спустя пять лет после ее гибели. Ему известно, что в их доме стояли советские солдаты. Была пирушка, напились, Ингрид прислуживала. Двое затащили ее на второй этаж, стали насиловать, пришли другие, она кричала, ее избили, потом придушили. Комендатура труп сфотографировала, увезла. Завели дело, результатов не было. Объяснили, что сама виновата, спровоцировала солдат на драку и в драке случайно была убита. Эберт, приехав, не нашел следов ни той военной части, ни того дела в комендатуре. Похоронили ее тайно, неизвестно где. Портрет родители отдали Эберту.

Шагин знал, что Эберт смотрит на него, знал свое костистое застылое лицо, на котором давно ничего не отражалось. Он откашлялся.

- Скажи, пожалуйста, что, ваши солдаты не насильовали?

Эберт ответил не сразу.

- На войне без этого не бывает.

- Ваши солдаты три года насильовали, вешали, жгли, пока не стали драпать.

- Есть разница, - тихо и твердо сказал Эберт. - Мы пришли как оккупанты, а вы вошли в Германию как освободители.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Этому тебя в лагере научили?.. За четыре года наша война выродилась. Она стала грязной войной. Мы ведь не были такими. Знаешь, как мы пели, Шагин поднялся с кресла, запрокинул голову, запел:

Идет война народная,

Священная война!

Он сморщился, как от боли.

– Она была священной! А священная стала грязной. – Он наклонился к Эберту: – Любая война, самая справедливая, вырождается. И наша тоже. Ради званий и наград мы своих не жалели. Мой полк разбомбили, чтобы я первым не вошел в Тильзит. Я такого дерьма нахлебался.

– Вы освободили Европу от Гитлера.

– И что? я тебя спрашиваю, что твоей Ингрид до этого, ее матери, тебе? – Он взял Эберта за отвороты куртки, приподнял и бросил обратно в кресло. Ты хочешь, чтобы я тебе привел наши заслуги? А я тебе скажу, что тоже был сволочью. Я считал, что нам все позволено. Как же – освободители, спасли Европу!

Его словно прорвало. Он признавался Эберту в том, в чем никогда никому не признавался. Он не щадил себя. Наряду с той войной, о которой он обычно рассказывал, – с цветами, что бросали им под ноги, с объятиями и слезами освобожденных узников лагерей – была и другая война, ее изнанка. Он вспомнил, как укладывал к себе в постель немки за банку тушенки. Его солдаты обирали немецкие дома, тащили занавеси, белье, посуду, шубы, из какого-то дома принесли русские иконы, громили винные погреба – и он покрывал своих, спасал от смерша.

Он добивал фашизм, но в душе его копилась злоба и разочарование. Еще на Ленинградском фронте началось. Его бойцы пухли от голода, жевали траву, а командование армии регулярно слало продуктовые посылки своим семьям на Урал. Это из блокадного Ленинграда.

Со сладостным ожесточением он выкладывал этому немцу залежалые свои обиды, крамольные мысли, которые прятал от себя.

На войне Шагина считали смельчаком, а смершевцев он боялся, помалкивал, разговоров лишних избегал. После войны тоже помалкивал, за своих инвалидов голоса не поднимал, хлопотал, но не спорил. Вспоминая о тех годах, Шагин и сам себя не понимал, тоже трус, чего боялся – не мог Эберту объяснить.

В воскресенье приехал господин Кнебель с женой Эльзой. Говорил Кнебель по-русски хуже Эберта. Толстый, потный, громкоголосый, он заполнил всю квартиру, привез с собой ящик пива, заставил Шагина пить, сам, пыхтя, прильнул к коричневой бутылке.

Рядом с огромным пузатым мужем Эльза выглядела тоненькой, хрупкой. Смуглая, с дикой шевелюрой черных волос, юбка пестрая, длинная. Похожая на цыганку, много моложе Кнебеля. Эльза была из Прибалтики и тоже немного знала русский.

Кнебель велел звать его попросту – Отто, сразу перешел на ты, потрепал Шагина по плечу – мы одноземельцы. Такое слово он вычитал в словаре, в одной земле окопы себе вырыли. В качестве сюрприза привез большую штабную карту, расстелил ее во весь обеденный стол. Переснятая с ветхого оригинала, она повторяла стертости на сгибах, прожженные пятна. На карте обозначены были позиции немецких и советских войск от Пулкова до Синявина, включая участок батальона Шагина. Нанесены были немецкие укрепления, доты, командные пункты, было там и расположение войск противника, батальон 290-й, его, Шагина, гаубицы Васинского, не все, на самом деле их было больше, забавно увидеть, как немцы представляли оборону шагинского батальона.

Шагин ходил вокруг стола, ложился на карту, разглядывал расположение немцев. Господи, если б досталась ему эта карта тогда! Наконец-то перед ним предстала вся огневая система немцев. Сколько сил он положил, чтобы разведать, нащупать их точки, сколько народу положил.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Пыхтящий Кнебель был счастлив, что угодил Шагину, хохотал, подмигивал Эберту. На самом деле карта оказалась не только оперативная, одновременно историческая, на ней нанесено было расположение войск в разные периоды зимы и весны, начиная с 1 января 1942 года.

Эльза курила, улыбаясь, глядя, как горячились эти старые вояки, обсуждая операции давно позабытой войны.

Когда-то у Шагина была своя карта, чёрканная-перечёрканная: секторы обстрелов, боевое охранение, красным и синим по зеленому, в планшетке, сквозь мутный целлулоид...

Но кнебелевская карта куда подробнее, полнее, на ней перед Шагиным ожило болотистое поле, изрытое окопами, ходами сообщения, появилась кирпичная будка стрелочника, кругленький значок позади его КП превратился в старый каменный колодец, который так выручал их.

Весной окопы затопило вешней водой. В землянках в ледяном крошеве плавали поленья, доски. Солдаты простужались, повыскакивали чирьи. Немцам было лучше, они сидели выше.

- Ничего подобного, - доказывал Кнебель, - отметка их ложины ниже, разлив отрезал передовую...

Спорили, кому пришлось хуже. Впрочем, немецкие связисты устраивались на окраине города в домах, где сохранились печки, и все равно страдали от морозов, русские имели полушубки, ушанки, а у немцев шинельки, он, Кнебель, обморозил ноги. Тут же снял туфлю, стащил носок, сунул ногу Шагину, зашевелил багровыми пальцами. В феврале сорок второго с ним это случилось, он отлеживался в снегу от русского снайпера, тот тоже лежал в засаде, но лежал в валенках, а Кнебель в сапогах и боялся шевельнуться.

Откуда он русский знает? Нет, в плену не был, язык выучил на фронте. Зачем? Из-за одной истории.

- Ради бога, - взмолилась Эльза, - только не начинай.

Шагин, однако, упросил.

Кнебель засопел, долго раскуривал сигару и наконец вернулся в то первое лето, когда в покинутой русской траншее он наткнулся на молоденького ополченца. Их узнавали по синим галифе и обмоткам. Парнишка наставил на него старинную винтовку со штыком. Руки его дрожали, Кнебель крикнул ему: ложись! Тот продолжал стоять, тогда Кнебель выпустил в него очередь, в упор. Только потом догадался, что ополченец не понимал по-немецки. Во Франции в Дононе произошло похожее, но там Кнебель повторял по-французски: "Au so!" С французами было легко. Если бы Кнебель мог по-русски, парень этот уцелел бы. С того дня он по солдатскому словарю стал учить русские слова. Стрелять в упор - это ужасно.

- Вам тоже так приходилось? - спросила Эльза.

- Вся война состоит из стрельбы, - сказал Шагин. - В нас стреляли, мы стреляли.

- Значит, вы тоже убивали?

- Конечно, - спокойно ответил Шагин.

- И сколько же вы убили?

- Эльза, ты же не хотела про войну, - вмешался Кнебель.

- Послушай, Отто, зачем бояться этого разговора, - не согласился Шагин. - Ты мне интересен как солдат и я тебе, тем более, что ты не попал в меня.

- Я был связист.

- Связь была нужна, чтобы твои артиллеристы могли точнее стрелять в нас. Корректировка, верно.

Эберт одобрительно кивнул.

- Не стоит нам петлять. У немцев была неплохая связь. Вы хорошо служили. Я знаю, что это такое.

- Я тоже, - сказал Кнебель. - Я получил осколок в задницу, да еще на Рождество... Может, от тебя, Петр?

- В каком году?

- В сорок втором. Вы неплохо стреляли.

- Попасть в твою задницу нетрудно, - сказал Эберт.

- Как это было? - спросил Шагин.

Отмечали Рождество. Командование дивизии разрешило пускать фейерверки, устроить елку и ужин во дворце. Все было торжественно. Зажгли свечи, пели "Тихую ночь". Кнебель был дежурным по связи. За полночь русские стали стрелять по дворцу. Никто этого не ожидал. Известно было, что русские шадят дворцовые постройки. Снарядов у них не хватало. Один снайпер попал в окно. Офицеры разбежались. Кнебель оставался на узле связи. Не было команды покинуть пост. Он лег на пол, и тут в него влетел осколок, не от снаряда, а большой осколок стекла. Две недели прокантовался в лазарете. Если бы осколок достал до кости, повредил ее, тогда его, может, демобилизовали бы, а так пришлось вернуться в часть.

- Это наше упущение, - сказал Шагин. - Извини. А что, разве только один снаряд попал?

- Два или три. Во дворе разорвались. Окна повывлетели. Один, кажется, залетел во флигель.

Когда Кнебель вернулся из лазарета, кого-то из командиров уже сняли за то, что подвергли риску офицеров. После этого принялись вывозить ценности дворца. Объяснили: поскольку русские стреляют, надо спасти сокровища. Кнебель не знает в точности, что вывозили. Конечно, начальники не стеснялись, грузили машины, отправляли домой. Сдирали штоф со стен, снимали камин, мрамор. Увозили статуи, вазы, всякую всячину. Позже он узнал, что Янтарную комнату увезли.

- Если немцы начнут, они все до винтика утащат, - сказал Эберт. - Мы, немцы, хорошо исполняем и мало думаем.

- Наши офицеры доказывали, что мы имеем право на трофеи, - говорил Кнебель.

По его словам, они сильно рассчитывали пожить в Ленинграде. То, что город падет, не сомневались. Надо было просто ждать, пока они там все передохнут с голода.

- Нас уверяли, что все подсчитано, до последней калории, жители и солдаты должны подохнуть, и мы спокойно войдем в город. Я до сих пор не знаю, в чем ошибка, а, Петр?

Шагин пожал плечами.

- Не хотели подышать, не хотели, чтобы город уничтожили. Не хотели.

- Я знаю почему. Потому, что у вас много есть терпения. Очень много. Наши засранцы генералы не знали про эти ваши запасы. Они считали только калории. Я в Пушкине увидел, как в одной квартире живут три большие семьи. В сарае еще жил старик, смотритель дворца. Но клозеты у вас страшные. Такие дворцы - и такие клозеты. Непонятно.

Фрау Эльза напомнила, что пора ехать в ресторан, там заказано, их ждут.

Поехали на большой машине Кнебелей. В ресторане Шагина посадили напротив окна с видом на долину внизу. Он заказал себе жареную семгу и, по рекомендации Кнебеля, белое французское вино.

Кнебель поднял бокал.

- Вы крепко стояли. Голодные, а никак вас было не сдвинуть. Молодцы.

- Спасибо, - сказал Шагин. - Все же дождался. Траву ели. Цингой болели. Сколько раз вы пытались взять Пулково - и никак. Так ведь?

- Точно!

Они чокнулись. Толстые щеки Кнебеля дернула усмешка.

- Не то что американцы. Эти засранцы могут стрелять только сверху, с самолетов.

- Не любит он американцев, - Эльза улыбнулась, белые зубы ее холодно блестели.

- Американцы - преступники, их мораль - это выгода, - категорично определил Кнебель.

Его нелюбовь имела причину, и Эберт заставил его рассказать, как в день бомбардировки Дрездена фельдфебель Кнебель находился в отпуске, в Берлине. В Дрездене жила его мать. Он добрался туда через два дня. Город еще горел. Кнебель шел по толстому слою горячего пепла. В развалинах своего дома пытался найти хоть что-то. Все сгорело, оплавилось, огонь искорежил и кухонную плиту, дедовский инструмент. На краю сада между черепиц в песке лежала оторванная рука. Огненный вихрь рвал тела на куски, он узнал обожженную руку матери по кольцу. Ничего другого не осталось. Он похоронил ее руку на кладбище. Зачем им надо было изничтожать Дрезден? Зачем?

Он свирепо уставился на Шагина.

- Не знаю, - отговорился Шагин.

- Вы же союзники! Этой рукой меня мать гладила, кормила меня, когда болел. Эта рука... - он всхлипнул, вылил себе остатки вина, выпил не отрываясь.

- Не американцы начали войну, - тихо сказал Шагин, как бы про себя.

И сразу разговор оборвался.

Эльза вскинула руки.

- О, господи! Никто уже не помнит, кто первый начал.

- Ты права, никто уже не помнит, и чем она кончилась, - согласился Кнебель.

- Я только помню, как американский солдат подарил мне гуми. Помню очереди за хлебом и маргарином...

Эберт предложил заказать десерт. Подали мороженое и капучино. Кнебель закурил сигару, блаженно затянулся.

- Я надеюсь, Петр, ты не обиделся. Ты сам хотел говорить откровенно, тихо произнес Эберт. - В России меня тоже многое огорчало. Зато там есть то, чего нам не хватает. Среди русских я не чувствовал себя одиноко. А здесь чувствую, особенно после смерти жены.

- За что это они тебя любят? - поинтересовался Кнебель.

Они перешли на немецкий, заговорили быстро, все трое, перебивая друг друга. Шагин смотрел в окно на долину у подножия горы, на темную пышную зелень дубов и светлую, еще не истомленную жарой зелень полей, перед ним возникла та первая весна в Восточной Пруссии, когда они шли по дорогам, обсаженным каштанами. Кругом все цвело, все сверкало, пахло, каждая травинка. Война кончалась, природа ликовала, обнажалась перед ними во всей прелести своих красок, тепла, ароматов. Воспоминания нахлынули на него с такой свежестью, как будто не было прошедших лет, он снова был тем же молодым, крепким, едущим впереди в открытом американском джипе, на плечи накинута плащ-палатка, регулировщицы козыряют ему.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Странно, вся послевоенная его жизнь, служба, отодвинулась, остались война, прежде всего победная весна сорок пятого, и, конечно, первые месяцы отступления, бегства, они тоже вспоминались то со стыдом, то с удивлением.

- Смотритель! - вдруг вырвалось у него. - Старик-смотритель.

Он накинулся на Кнебеля с расспросами.

- Кажется, старика забрали полицаи. За что? Будто бы отказался готовить экспонаты для вывоза. Кнебеля это не касалось, вывезли - и ладно, при штурме ничего бы не уцелело.

- Оставлять это рационально не было.

Он остановился и хлопнул себя по лбу, - у него же есть презент для господина полковника.

Эльза принесла из машины толстую книгу. Это была история его пехотной дивизии "1939-1945". Название вытиснено золотом на кожаном переплете. Документы, фотографии, карты боевого пути, начиная с Вогезов. Ленточки-закладки там, где на снимках был Кнебель. В новенькой форме, со значками, молодой сияющий дурачок.

Роскошная книга, от начала до конца оснащенная снимками дивизионных фотографов. Ничего подобного ни дивизия, ни армия Шагина не имели. Посмеиваясь, Эберт зачитывал отрывки из приказа какого-то командующего: "даже самая ожесточенная ярость противника разбивается о вашу волю к победе", "совершая чудеса храбрости, дивизия отошла к Нарве".

Без интереса Шагин перелистывал победные изображения на улицах Вены, потом еще не разрушенной Варшавы, Вильнюса и вот наконец Пушкин. Веселые физиономии, начищенные сапоги, какие-то девицы подносят вино.

Наконец он добрался до сорок четвертого, дороги возмездия, до заросших, обмороженных, укутанных в платки, в какое-то тряпье отступающих немцев. На одном из снимков солдат вычерпывал талую воду из окопа ведром, прибитым к шесту. Точно так же орудовали солдаты Шагина, тоже ведра на шестах, перед ними переломанные, обожженные рожи голых стволов, те же безрадостные поля с развалинами церкви. Обугленные дома, руины сопровождали весь путь немецкой дивизии по России и обратно в Германию. Снимки кладбищ в Красном Селе, в Салтыкове. Заканчивался альбом цветными снимками банкетных залов - длинные столы, сотни лысых, седых мужчин.

Однако сколько же их уцелело.

Размашистым почерком Кнебель сделал дарственную надпись: "Господину Шагину на память о нашей военной молодости". Приложил визитную карточку: "Отто Кнебель президент фирмы Гальске, Любек".

Они снова чокались, обнимались. Кнебель порывался запеть какую-то песню своей армии, но Эберт его осадил.

- Молчи, - настаивал Отто, - я должен исполнить! В такой день! Пускай русский гость слышит меня. Мы все были солдатами.

- Ты был солдат, - сказал Эберт, - а он полковник.

- Ты что мне командуешь. Ах да, ты ведь лейтенант, ты получил рыцарский крест. Или дубовые листья? Старался из всех сил!

- Я воевал. А ты не мог даже до обер-фельдфебеля добраться.

Кнебель хотел что-то возразить, но Эберт вскочил, заорал: halt's Maul, du Arschloch! и дальше покрепче, похоже на исковерканный русский мат.

Неожиданно физиономию Кнебеля осветила добродушная улыбка, он хихикнул, подмигнул Шагину.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
- Да, я говенный солдат, я был самый говенный солдат на этой самой говенной бойне, господин полковник! Дерьмовый солдат нашей славной дивизии. Теперь я стал самый почетный ветеран, один я уцелел со времен Вены!

Шагин тоже хотел запеть "Катюшу" и спел бы, если б Кнебель не стал жаловаться на потери; брызгая слюной, он описывал сумасшедший обстрел русских в январское утро 1944 года и потом, когда русские прорвали фронт и заняли высоты Дулергофа, у немцев связь отказала, сперва полковая, потом и дивизионная, и началось отступление - кто куда, еле собрали остатки.

- Ага! - торжествуя закричал Шагин. - То-то же! Драпанули, сукины дети! - и расцеловал Кнебеля.

Белые каски, белые халаты, немцев не отличишь от русских, снег, перемешанный с землей и кровью, едкая вонь тротила, раненый ползет, волоча за собой кишки, горящие танки... Одна и та же картина вставала перед ними. Теперь Шагин видел ее глазами немцев - впервые прославленная эта дивизия отступала, истекая кровью. Они ушли на Псков...

- Мы сохранили право на свой герб и свой девиз, - возгласил Кнебель.

Он взял у Эльзы губную помаду, нарисовал на салфетке щит и на нем меч. Прорекламировал по-немецки, Эберт перевел:

"Острый меч, наше мужество, наша верность и незапятнанная чистота нашего герба".

- Лихо, - сказал Шагин. - Незапятнанные вы мои грабители. Воришки дворцовые.

Кнебель стукнул кулаком по столу.

- Я же говорил тебе: вывозили, чтобы спасти от обстрелов. Так нам объяснили. Слава богу, что наши вывезли, хоть кому-то досталось.

Эберт покачал головой:

- Ты хочешь сказать, что мы, немцы, вели себя цивилизованно?

- Кто стрелял по дворцу, а? - не унимался Кнебель. - В такую святую ночь! Они стреляли в Рождество. Знали, что христиане отмечают праздник. Согласитесь, это вдвойне нехорошо.

- Чего уж тут хорошего, - согласился Шагин.

Он плохо помнил, как это было, что-то их тогда заставило.

- Русские не практичны, - сказал Кнебель. - Тот смотритель, его просили аккуратно приготовить все предметы для вывоза, так он отказался. Это не было рационально. Наши солдаты не сумели, многое попортили.

- Сукины вы дети, вам должны были еще паковать награбленное!

- Молодец! - внезапно расхохотался Кнебель. - Меня давно никто не ругал.

- Ты же сам хвалил русских, - сказал Эберт. - Где твои принципы?

- Мои принципы зависят от того, с кем я спорю и сколько я выпил.

Эльза поспешила вмешаться, спросила у Шагина, разве они не отмечали Рождество?

- Отмечали бы, да нечем было. Лошадей уже съели. - Шагин улыбнулся ей. - Елка была, так мы из нее хвойный напиток делали. Будь у нас гусь жареный, мы бы не стреляли по дворцу. Ни за что. Но вы сами гусей ели, а к нам ничего не пропускали. Блокаду устроили. Вот мы и стали стрелять.

Примерно так оно и было, подумал он.

Заклучили ужин рюмкой коньяка.

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Кнебель посмотрел коньяк на свет, понюхал, одобрительно прижмурился.

- Никогда не думал, что буду пить за здоровье русского полковника, который в меня стрелял.

- Плохо стрелял, если не мог попасть в такую тушу, - сказал Эберт.

- Ты молчи. Ты уничтожил его родной город и ездил туда в гости. Что это за порядок?

- Между прочим, никто меня там не критикует. Не то что ты. Мне там очень нежно.

Шагин не любил пить просто так, он произнес тост в честь фрау Эльзы, ее супруга, который открыл ему неизвестные страницы войны. Ему захотелось рассказать им про зрителя. Но вместо этого он завел про то, что война причинила немцам тоже горести, жизнь в развалинах, как это было в Ленинграде. Никак не мог закончить так, чтобы снять то неприятное, что появилось у него к кнебелю. Поблагодарил его за ужин и ни с того ни с сего пригласил приехать в Петербург.

- Я давно его прошу, - подхватила Эльза, - слышал? Обещай мне, это же совсем не дорого... Бесполезно! Он и в Америку не хочет! Бойтся, что у вас могут ему сказать что-то плохое.

- Могут... Могут, - подтвердил Кнебель вдруг совершенно трезво.

После ужина фрау Эльза фотографировала их троих. Посередине встал Кнебель, обнял Эберта и Шагина.

- Снимок будет называться "чем кончаются войны!" - объявил он. - Это вам не какие-нибудь тыловые крысы, мы честно выполняли свой долг и имеем право дружить.

Снимок, как он обещал, будет опубликован в журнале. Он снял с пиджака значок дивизии, вколол в лацкан Шагину, обнял и звучно расцеловал. Этот момент тоже был отмечен вспышкой блица.

- Вы мне понравились, - Кнебель потрепал Шагина по щеке.

- Вы мне тоже, - ответил Шагин и добавил: - Вы хорошо сохранились.

Кажется, только Эберт уловил смысл сказанного, Кнебель же источал расположение ко всем, его с трудом погрузили в сверкающую машину. Шагин и Эберт помахали им вслед.

- Он неплохой человек, - виновато сказал Эберт.

- Наверное. - Шагин отколол значок, повертел его и швырнул на дорогу. Эберт неодобрительно покачал головой.

- У вас тоже были значки. Люди не хотят иметь плохое прошлое, они придумывают... гербы...

- Я не осуждаю. Но, знаешь, вспомнилось. Сам не ожидал. Молодым проще.

- А твоему зятю?

Шагин удивленно посмотрел на него, промолчал.

- Ты полковник, ты сам не убивал, ты командовал. А я чувствовал свою пулю, куда летит. Сколько я убил. Гордился.

Вечером они пошли гулять, свернули на боковую улочку, огороженную от машин, шли вдоль кустов белой сирени, за сеткой заборов, на крохотных лужайках крутились поливалки. Свет горел в окнах, мерцали экраны телевизоров. Теплый воскресный день заканчивался покоем, тишиной.

Шагин привык к неторопливости Эберта, негромкому его голосу. С ним приятно было

По ту сторону. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru помолчать. Во время молчания между ними продолжало что-то происходить. Идти бы так, идти этим цветущим коридором, никуда не торопясь, ни о чем не думая, давно ему не было так спокойно.

- Пора мне уезжать, - сказал Шагин.
- Куда ты торопишься?
- Дела.
- Мог бы пожить еще. Погода хорошая.
- Спасибо. Мне понравилось у тебя.
- Подумай.
- Думай не думай - другого конца не выдумать.
- Осенью я собираюсь в Новгород, в Руссу. Может, поедешь со мной?
- Нет.
- Почему?
- Не хочу рушить то, что помню.
- Понимаю.

Помолчали. Потом Эберт сказал:

- Я думал, мы еще побудем.

В его голосе Шагин услышал знакомую тоску. Было жаль Эберта, жаль себя. Что-то открылось Шагину, слишком поздно открылось, был ли в этом какой-то смысл, он не знал.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!